

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФСКО-ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ИНТЕРАКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

Рассматривая учебную деятельность, мы исходим из самой природы обучения как субъект-субъектного взаимодействия (интеракции) участников учебного процесса, направленного на совместный поиск истины.

Интерактивное обучение имеет под собой серьезное методологическое основание. Данный подход к обучению базируется на философско-диалектической

традиции, уходящей своими корнями в глубь веков – к мыслителям Древней Греции – и пронизывающей всю историю мировой философии и педагогики, отраженной в трудах крупнейших философов мира (в том числе российских философов М.М. Бахтина, В.С. Библера).

Наука не может продвигаться вперед, не оглядываясь назад, не обращаясь к опыту предыдущих поколений, к их духовным ценностям. С современных позиций этот опыт видится совершенно в ином свете. Он дает толчок к пробуждению новых мыслей, идей, нередко являясь источником озарения, результатом которого становится научное открытие, находка оригинального решения и другие проявления плодов творческой мыследеятельности.

В этой связи Гегель, выступая с речью перед гимназистами, привел интересное сравнение: "Как Антей обновлял свои силы соприкосновением с матерью-землей, точно так же и всякий новый расцвет и возрастание науки и просвещения возникает путем обращения к древности" [4, с. 6].

Наше обращение к античной мысли далеко не случайно. Многие современные научные теории органически связаны с ней. Не является исключением и теория интерактивного обучения, интерес к которой значительно возрос в последнее десятилетие.

Задачей данной статьи является вычленение идей древнегреческих философов, положивших начало современной теории интерактивного обучения и оказавших мощное воздействие на все дальнейшее развитие данного направления в педагогике. Интересно проследить, как идеи древних мыслителей продолжают жить, но уже в модифицированной форме, как они оживают в современных научных теориях и практике. Проникновение в прошлое помогает уяснить настоящее.

Нами проанализирован сравнительно небольшой период античной философии – период "ранней классики" (от Фалеса до Платона). При этом на первый план выдвигается не собственно философская, а педагогическая проблематика, что диктуется задачами избранной темы.

Античные философы усматривали одну из главнейших задач обучения в том, чтобы научить человека мыслить диалектически: задавать природе такие вопросы, которые ей никто еще не задавал, искать новые пути решения проблем, не обходить острые углы, стремиться постигать сущность явлений во всей их противоречивости и изменчивости. Окружающий мир должен служить источником вопросов и проблем, источником рассуждений, сомнений. "Сердце" античной философии, по образному выражению Г.Н. Волкова, – это искусство доказательства путем споров с собеседником, путем столкновения противоречивых доводов; это диалектика, получившая особенно блистательное развитие у Сократа и Платона [4, с. 48].

Греки говорят то, что кажется им наиболее правильным, исходя из собственного разума, и, не задумываясь, противоречат друг другу, спорят между собой, обвиняют друг друга в ошибках, не шая и наиболее признанные ими авторитеты – Гомера, Геродота и Фукидида [6, с. 28]. Древнегреческие философы рождали и развивали свои идеи в демократическом климате, сложившемся в то время в Греции благодаря соответствующим социально-экономическим и политическим отношениям. В такой атмосфере свободный человек впервые почувствовал себя личностью и приобрел право на самоутверждение в общественной жизни и в духовной сфере. Поэтому-то каждый мыслитель и стремится высказать именно свои личные мысли, идеи, которые должны отличаться от мыслей других людей. При этом древние греки не боятся высказывать даже кажущиеся абсурдными утверждения. Главное – суметь найти им веские доказательства.

Греческие философы усматривали главную ценность знаний в их непосредственной действенности и активности, в их прямом воздействии на человека (см.: Платон. Протагор, 352 с.). Именно поэтому многие древнегреческие философы и избрали основным средством осуществления своей философии диалог, живую беседу, спор, вопросно-ответный метод исследования проблем. Они использовали диалог как средство испытания "самого себя и других", по выражению Сократа Яркими образцами средства "испытания" являются знаменитые диалоги Платона, "сократические" диалоги.

"Сократический диалог" – широко распространенный в свое время художественный жанр. Такие диалоги писали Платон, Антисфен, Федон, Эвклид, Ксенофонт, Эсхин, Алексамен, Кратон, Глаукон, Симмий и другие. До нас дошли только диалоги Платона и Ксенофонта, а также некоторые фрагменты диалогов остальных философов. Первоначально этот жанр носил мемуарный характер и представлял собой воспоминания о беседах, которые вел Сократ. И хотя позднее жанр "сократического диалога" сохранил свою внешнюю форму (диалог, обрاملенный рассказом), он отошел от мемуаров и превратился в чисто сократический метод диалогического раскрытия истины.

Рассмотрим некоторые моменты "сократического диалога", которые представляются нам важными для философского обоснования теории интерактивного обучения. Более подробно и достаточно глубоко они проанализированы в работах М.М. Бахтина, Ф.Х. Кессиди, В. Асмуса, на которые мы в дальнейшем и будем ссылаться.

Диалоги Платона – создателя философского идеализма и ученика Сократа – представляют собой, по выражению В. Асмуса, "философские комедии и драмы", в которых он излагает свои идеи [2, с. 9]. Они написаны страстно, вдохновенно, выразительно, что позволяет ярко представить себе образы знаменитых философов того времени: Сократа, Аристофана, Алкивиада, Протагора, Горгия и многих других. В форме диалога написано около 350 сочинений Платона, дошедших до нас.

Философский диалог платоновского типа не является педагогическим диалогом в традиционном его понимании, когда человек, что-то знающий, обучает другого человека, который не обладает этими знаниями и допускает ошибки. Ученик всегда нуждается в том, чтобы его ошибки поправляли, чтобы ему указывали верный способ решения проблемы.

Древнегреческие мыслители опирались на совершенно иной подход к формированию мышления человека, к поиску истины. Они отнюдь не считали, что обладателем такой истины может быть какой-нибудь конкретный человек, даже если он очень образован. В любом случае никто не может служить непогрешимым источником знания, истины. Исходя из этой доктрины, в основу их жанра и было положено "сократическое представление о диалогической природе истины и человеческой мысли о ней" [3, с. 184]. Данный жанр отражает диалогический способ искания истины, в то время как официально был принят монологизм, отражающий владение готовой истиной.

Люди, овладевающие знаниями, самоуверенно думают, что они являются обладателями истины (истинами). Сократ пытался разрушить это представление у людей, провоцируя их на спор, в котором, собственно, и рождалась настоящая истина. Прикидываясь простачком, который хочет научиться чужой мудрости, Сократ задавал простые, но лукавые и каверзные вопросы, загоняя самодовольного собеседника в тупик противоречий, сбивая с него спесь [7, с. 149-186]. Но и себя Сократ при этом не считал единственным обладателем готовой истины. Он вообще не придерживался какой-либо определенной теоретической плат-

формы, какой-либо системы взглядов, которую нужно защищать и отстаивать. Поэтому-то он и предпочитает спрашивать, а не отвечать. Но если Сократ ничего не утверждает и ничего не предлагает взамен, зачем же он стремится разрушить утверждения других, с какой целью? Только ли для того, чтобы все отрицать и над всеми посмеяться? Конечно же, нет. Он ведет поиск истины и привлекает к этому процессу, к работе мысли своего собеседника. Вот этот-то процесс и есть самое ценное в “сократических диалогах”.

Сократический метод диалогического раскрытия истины состоял из двух приемов – синкризы и анакризы. Под синкризой понималось сопоставление различных точек зрения на определенный предмет, под анакризой – провоцирование собеседника на высказывание своего мнения до конца (по выражению М.М. Бахтина “провоцирование слова словом же”). В этом смысле Сократ был величайшим “provokatorom”, разоблачающим ложность или неполноту мнений людей “Синкриза и анакриза”, – пишет М.М. Бахтин, “диалогизируют мысль, выносят ее во вне, превращают в реплику, приобщают ее диалогическому общению между людьми” [3, с. 186].

Наряду с анакризой в “сократическом диалоге” в провокационных целях иногда используется сюжетная ситуация диалога, провоцирующая “глубинное слово” (выражение М.М. Бахтина). Это, например, ситуация супа и ожидания смертного приговора в “Апологии” Платона, предсмертная ситуация в “Федоне”, провоцирующие исповедь человека и беседу о бессмертии души. Исключительные ситуации “на пороге”, который человек переступает, переходя в иной мир, легли в основу “диалога на пороге”, получившего дальнейшее распространение в эллинистической и римской литературе, в средние века, в литературе эпохи Возрождения и Реформации.

В “сократическом диалоге” идея сливается со своим носителем – образом человека, ее представляющего. В диалогах Платона в общение вступают люди, которые в реальном мире друг с другом не контактировали, но могли бы это сделать. В “Апологии” Сократ предсказывает зарождение в будущем “диалога мертвых” (общение людей, разделенных веками), когда говорит, что будет вести в преисподней диалоги с тенями прошлого аналогично диалогам на земле. Сократ не представляет себе жизни без диалога: жизнь без обсуждений и исследований кажется ему бессмысленной (см.: Платон. Апология, 38 а). Мало того, даже смерть для него – это не что иное, как предвкушаемая возможность вести диалог с бессмертными философами, поэтами и героями (см.: Платон. Апология, 41 а-с).

В дальнейшем на основе “сократического диалога” сформировался такой жанр, как “Мениппова сатира” (мениппея), в котором создание исключительной ситуации служит для провоцирования и испытания философской идеи (правды), воплощенной в образе мудреца, искателя правды. Это жанр “последних вопросов, испытаний последних философских позиций, “последних решающих слов и поступков человека”, их сопоставление (синкриза) [3, с. 195].

Одной из разновидностей мениппеи является диатриба (внутренне диалогизированный риторический жанр), приводящий к диалогизации самого процесса речи и мышления и построенный на диалогическом отношении к себе самому. Диалог в жанре диатрибы – это диалог с отсутствующим собеседником.

К другой разновидности мениппеи относят солилоквиум – диалог с самим собою. “Способность диалогически общаться с самим собою” ученик Сократа Антисфен считал высшим достижением своей философии [3, с. 203]. Это активный диалогический подход к себе самому, открытие “себя самого” как внутреннего

человека, с которым можно вести беседу. Существуют как бы два человека в одном: один – внешний, для других людей, такой, каким он выглядит в их глазах. Другой – внутренний образ, чистый от субъективной оценки окружающих, понятный и близкий лишь самому человеку или, по крайней мере, кажущийся понятным, т.е. такой, каким его воспринимает собственное сознание.

Широкое распространение в Древней Греции имел симпозион (тоже разновидность мениппеи) – пиршественный диалог, имевший наиболее вольную и непринужденную форму.

Анализируя перечисленные выше диалогические жанры, отражающие процесс поиска истины в древние времена и диалогическую природу истины, М.М. Бахтин делает глубочайший философский вывод: “Истина не рождается и не находится в голове отдельного человека, она рождается между людьми, совместно ищущими истину, в процессе их диалогического общения” [3, с. 185].

Этот вывод имеет большое значение для понимания природы интерактивного обучения. Монологический способ искания истины, как показывает многовековой опыт и как ярко отражает это в своих диалогах Платон, приводит лишь к иллюзии обладания какой-то истиной. И, наоборот, если “истина рождается между людьми”, то и поиск ее должен происходить в совместной учебной деятельности, в процессе которой субъекты взаимодействуют, т.е. вступают в интерактивные отношения (воздействуют и влияют друг на друга). Содержание обучения должно носить диалогический характер.

Исследователями выделяются несколько групп платоновских диалогов, самые ранние из которых так называемые “сократические диалоги” (“Евтифрон”, “Хармид”, “Лахет”, “Менон”). Некоторые диалоги представляют собой трактаты, где диалогическая форма только видимость (“Софист”, “Парменид”, “Филеб”).

В ряде диалогов происходит спор о сущности явлений, занимавший умы многих философов того времени. В диалоге “Тимей” Платон различает сущность прекрасного и его явление (доброе и его явление и т.д.). В диалоге “Гиппий Большой” мы также наблюдаем постановку вопроса о сущности, который очень хорошо здесь раскрывается в споре о прекрасном между Сократом и софистом Гиппием. Точка зрения Сократа совпадает в данном диалоге с точкой зрения самого Платона. Софист изображен простоватым и даже глуповатым человеком, не понимающим платоновской постановки вопроса и которому Платон устами Сократа разъясняет относительный смысл предметов чувственного мира.

Такой точки зрения придерживался не только Платон. Так, например, родоначальник элейской школы в философии, мыслитель и поэт Ксенофон Колофонский (565 – 473 гг. до н.э) так же, как и знаменитый философ Гераклит, тоже делит мир на сущностный и являющийся. Он считает, что между ними проложена граница за которую человеку не дано проникнуть, познать божественную сущность мироздания. Поэтому Ксенофан осуждает тех, кто утверждает, что они что-то знают. Он считает, что ничего знать нельзя, удел человека не знание, а всего лишь мнение. Мнение же не может быть истинным, окончательным знанием. Пифагор также никогда не утверждал, что он мудрец – обладатель истины. Он считал, что полностью обладать ею никто не может. Можно лишь стремиться к ней как к недостижимой цели. Здесь уместно вспомнить и знаменитое изречение Сократа “Я знаю, что ничего не знаю”.

Ксенофан высказывает и отстаивает глубокую мысль об относительности наших знаний, которая позднее получила свое дальнейшее развитие в философии.

Другой представитель элейской школы – Парменид проповедовал идею изменчивости мира, данного нам в ощущениях. Такой мир невозможно выразить в устойчивых понятиях, считал он. Мир текучих ощущений невозможно охватить единой истиной. Но по отношению к сущности это возможно. Сущностная природа бытия может быть отражена теоретической мыслью, выражена ею. Парменид утверждал:

*“Одно и то же есть мысль и то, о чем мысль существует,
Ибо ведь без бытия, в котором ее выражение,
Мысли тебе не найти”* [1, с. 295].

Парменид уже в то время догадывается о единстве общих законов мышления и общих законов бытия.

Разделение мира на сущностный и являющийся, мир мнений и мир истинный, мир чувственных ощущений и мир понятийных обобщений было присуще многим древнегреческим философам. Диалектика – это коллективный плод творческих усилий греческих философов. Свой вклад в развитие диалектики и диалектического мышления внес и Зенон, заслуга которого состоит в том, что он поставил проблему соответствия наших мыслей действительности или, иначе говоря, – соответствия диалектики объекта и диалектики понятий (логики). Диалектика признается лишь для чувственной достоверности, для понятий (сущности) она исключается, а потому невозможно и соответствие “истины” – “мнению”, сущности – явлению, мысли – действительности. Своими идеями Зенон близок современному стилю и духу научного мышления. Аристотель называет Зенона Элейского первым, кто изобрел диалектику. Ему принадлежит разработка метода, оригинальность которого состояла в опровержении противника путем обнаружения противоречий в его суждениях. Опровержение противоположного тезиса служило косвенным доказательством защищаемого тезиса. Впоследствии этот метод был назван “приведением к нелепости” (*reductio ad absurdum*) [5, с. 66]. Метод Зенона был успешно использован Сократом в диалоге, в вопросно-ответном ведении полемики.

Свой знаменитый метод доказательства при помощи приведения к абсурду (т.е. при помощи опровержения принятых гипотез) Сократ заимствовал из математики. Этот метод основывался на мнении, что чувственно воспринимаемые вещи изменчивы и противоречивы. Истинное же бытие не может обладать взаимно противоречащими свойствами.

Наука, как известно, начинается с удивления, с вопроса. Научное мышление находит для себя новое поле деятельности там, где оно упирается в противоречие, логический тупик. Столкнуть неожиданным образом несоприкасающиеся стороны действительности – характерные черты современного научного мышления, которые в полной мере определились еще в античной философии. Тот же Сократ мастерски умел сталкивать между собой различные стороны явления, используя указанный выше метод, опираясь на свое представление о диалогической природе истины.

В слово “диалектика” философы вкладывали разное содержание, но ни один из них не мыслил ее в отрыве от диалога. Чаще всего под этим словом подразумевалось искусство ведения диалога искусство спора и аргументации. Собственно и сам термин “диалектика” происходит от слова *dialegomai*, что в переводе с греческого означает “разговариваю”, “беседую”, “обсуждаю”. Согласно Сократу диалектик – это тот, кто “умеет ставить вопросы и давать ответы” (Платон. Кратил, 390 с.). Для некоторых областей знаний диалектический метод является единственно приемлемым методом, поскольку научный метод там не годится (Аристотель считал одной из таких областей мораль).

Софисты в высшей степени овладели искусством спора (эристикой), риторическим искусством убеждать, однако решающим для них, в отличие от Сократа, был не поиск истины, а победа в споре. Этим их эристический метод, предполагающий равнодушие к истине, значительно отличался от диалектического метода Сократа. Сходство указанных методов было лишь чисто внешнее – в вопросно-ответной форме. Софисты преследовали полемические цели, Сократ – конструктивные. Когда диалог заходит в тупик, Сократ своими вопросами как бы предлагает включиться в поиск выхода из этого тупика. Нахождение истины – вот цель сократовского “искусства вести рассуждения” (Платон. Менон, 75 d). Только в диалоге рождается истина, только в диалоге можно постичь истинную сущность вещей.

В диалоге “Протагор” Платон ставит человека, уже обладающего знанием, в центр миропонимания, определяя его как меру “всех вещей: существующих в том, что они существуют, несуществующих в том, что они не существуют” [2, с. 48]. В то же время он утверждает, что знание нельзя определять как правильное мнение. Но и ложного мнения по Платону вообще не может быть, поскольку знание нельзя определить. Платон сравнивает сообщение истины с внушением, убеждением, которое равносильно внушению мнения. Обычно именно с такой целью – внушить свое мнение – и действуют ораторы и судьи, считает (и совершенно обоснованно) Платон, делая при этом вывод, что знание и правильное мнение вовсе не одно и то же. Действительно, если мы рассмотрим с данной точки зрения, например, содержание педагогического образования в вузе, то увидим своеобразную правоту Платона в его рассуждениях. В учебниках по педагогике различные авторы преподносили до так называемого перестроечного периода многие вопросы (особенно касающиеся проблем воспитания) совершенно в ином ракурсе, чем ныне – а именно – с позиции материалистической марксистско-ленинской философской концепции. Преподаватели и студенты, овладевая педагогическими знаниями в той трактовке, были убеждены в их истинности и непогрешимости, в правильности внушаемых им и изложенных в учебной литературе того времени мнений. На экзамене знания студентов оценивались как правильные с определенных позиций, одобряемых в то время. Сейчас же те же самые убеждения, которые когда-то оценивались как правильные, вызывают лишь недоумение и возмущение у преподавателя – студент пользуется устаревшей литературой, не разбирается в современных концепциях и сущности вопроса и т.п. На другую оценку он не может и рассчитывать. Значит, мнение (знания), которое ранее рассматривалось как правильное, становится неправильным.

Следовательно, не набор определенных “истин”, которые со временем устаревают, должен занимать главное место в учебном процессе, а умение рассуждать, логически мыслить, умение вести поиск истины. Наиболее оптимальным методом поиска истины остается все тот же диалог, избранный в свое время Платоном и прошедший многовековую проверку временем.

Платон был убежден, что истину, знания человек должен прежде всего искать в себе самом, как бы припоминая то, что было в нем всегда” жило в его сознании и только со временем забылось. Этот процесс поиска знаний в себе самом образно отражен в одном из афоризмов Гераклита Темного: “Человек в ночи зажигает себе свет”. Погружаясь в себя, в свои мысли, чувства и переживания, он надеется, что зажженный им свет самосознания поможет ему увидеть собственный внутренний мир и через него понять основы мироздания.

На основании своих рассуждений в диалоге “Менон” Платон через образ Сократа делает следующий философский вывод: “Получается, что в человеке,

который не знает чего-нибудь, живут верные мнения насчет того, чего он не знает... Теперь эти мнения зашевелились в нем, словно сны... При этом он все узнает, хотя его будут не учить, а только спрашивать, и знания он найдет в самом себе... А ведь найти знания в самом себе – это и значит припомнить, не так ли?" [2, с. 74]. Свою точку зрения Платон иллюстрирует в "Меноне" такой ситуацией из учебного процесса Сократ предлагает мальчику, который никогда ранее не изучал геометрию, решить задачу удвоения данного квадрата. Он искусно ставит перед ним наводящие вопросы, и, отвечая на них, мальчик находит правильное решение поставленной перед ним задачи. "Познай самого себя" – исходный пункт и кредо сократической философии. Вся мудрость Сократа, вся его диалектика отражена в его беседах, в устных поединках. Он не записывал свои мысли, считая, что в книгах живое слово и мысль омертвляются, предстают чем-то неизменным, данным раз и навсегда, что противоречит диалектическому чутью Сократа. Для него исследование – это не утверждение каких-то постулатов и принципов, а сам процесс спора с конкретным собеседником, который возражает, вскрывает слабость аргументации, побуждает находить новые доводы.

Свои основные идеи и доктрины Сократ выработал в диалогическом живом общении с мыслителями, как близкими ему по духу, так и с теми, чьи учения он отвергал. Письменное сочинение, считал Сократ, не может заменить настоящего диалога, оно мешает общению людей. Книгу не спросишь, как спрашивают живого человека, а если и спросишь, то книги "всегда отвечают одно и то же" – и для людей понимающих, и для тех, которым эта тема не под силу [8, с. 217 (Федр, 375 е)]. Поэтому-то он и не оставил письменного изложения своего учения, предпочитая письменной форме живой диалог, непосредственный контакт с собеседником. Он считал, что книги лишают человека потребности в самостоятельном поиске истины, они лишь помогают ему казаться "многознающим", фактически оставляя его невеждой. Имея книгу, не нужно упражнять свою память. Однако он не совсем отрицал полезность книг, называя их "средством для припоминания", повторения уже известных сведений. И все же устное слово никакими письменными сочинениями не заменишь. Диалог – это "живая и одушевленная речь знающего человека", которая должна быть краткой, понятой и четкой; письменная речь – это лишь "подражание" диалогу, который в письменном виде выглядит более научным, усложненным (см.: Платон. Федр, 276 а). Вне настоящего диалога, считал Сократ, нет и настоящей мудрости, но возможно "многознайство", которое уму не научит. Знания не должны черпаться из чужих сочинений, а добываться самостоятельно, собственным трудом.

В сократовском диалоге поиск знаний, истины ведется в процессе общения, где оба собеседника выступают как равноправные партнеры, независимо от того, кто здесь является учителем, а кто – учеником. Сократовскому пониманию совершенно чужды авторитарные взаимоотношения между обучающим и обучаемым. В его диалоге нет места такому учителю, который передает ученику определенную сумму знаний, и такому ученику, который, выслушав учителя и, записав все необходимое ему, уносит в своей голове, как в пустом "сосуде" эту сумму знаний (Платон. Протагор, 314 б). Согласно Сократу, знания не передаются от одного к другому, а добываются в совместном поиске. Конец сократовского диалога никогда не является его окончанием: это начало нового поиска, новых открытий, поиск иных способов решения проблемы. Поиск для Сократа – это состояние интеллектуального развития, труда, и процесс этот бесконечен, как безграничны сами знания.

Сам Сократ никогда, не претендовал на роль "учителя мудрости" и не брался всему обучить. Единственное, чему он мог обучить (так он полагал), – это искусству ведения диалога (задавать вопросы, отвечать самому на заданные вопросы, высказывать свои суждения, обнаруживать знание или незнание того или иного вопроса. Техника ведения беседы (диалога) была виртуозно отработана Сократом. У него тщательно продуманы приводимые им примеры, позволяющие то выявить сходство предметов или явлений, то различие между ними. Он мастерски использует в качестве веского аргумента аналогию (см., например: Платон. Евтидем, 279d – 281e).

В разработке диалектического (вопросно-ответного) метода Сократ широко использовал гипотезы – предположения, допущения, с помощью которых становится возможным всесторонний поиск истины. Проверка гипотез позволяет проверить истинность выводов, вытекающих из предположения, а также изменить и уточнить выдвинутое предположение, заменить его более надежным. Таким способом можно приблизиться к истине. Конечно, Сократ не занимался экспериментальной проверкой своих гипотез, как это принято в современной науке, но он подбирал для доказательства и проверки гипотез многочисленные примеры из жизни.

С помощью своего искусства задавать вопросы Сократ содействовал рождению истины в голове у собеседника. Такое искусство он в шутку называл "майевтикой". Незнание Сократ рассматривал как предпосылку знания, поскольку оно стимулирует поиск истины. В этой связи его скептический тезис "Я знаю, что ничего не знаю" становится более понятен: это стимул к поиску знания, которого нет, побуждение к познавательной деятельности. Задавая каверзные вопросы, Сократ не ставит цель разоблачить человека, он хочет помочь ему открыть себя для истины, заставить осознать свое незнание и задуматься над образом своей жизни. Он возбуждает в собеседнике потребность к самопознанию и самосовершенствованию. Своими вопросами он путает других, запутывается сам и, тем не менее, заявляет: "И все-таки я хочу вместе с тобой поразмыслить и поискать" (Платон. Менон, 80 с-d). В этом – весь Сократ. И именно в этом – педагогическое кредо и стержень интерактивного обучения: совместный поиск истины в диалогическом общении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология мировой философии. – Т. 1. – Ч. 1. – М., 1969.
2. **Асмус В.** Платон – М: Мысль, 1969. – 247 с.
3. **Бахтин М.М.** Проблемы поэтики Достоевского. – М: Художественная литература, 1972. – 471 с.
4. **Волков Г.Н.** У колыбели науки. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 224 с.: илл.
5. **Кессиди.** Сократ. – М.: Мысль, 1976. – 198 с.
6. **Лурье С.Я.** Очерки по истории античной науки. – М.-Л, 1947.
7. **Платон.** Гиппий Большой. – Соч. – Т. 1. – М., 1968. – С. 149-186.
8. **Платон.** Федр. – Соч. – Т.2. – М., 1970.

SUMMARY

The article is devoted to the pedagogic ideas of ancient antique Greek philosophers, Those ideas can be considered as the beginning of the development of modern interactive theory and practice of training. The methodological role of the philosophic dialectical tradition is of great importance for the development of the named kind of training. The ideas of ancient Greek philosophers are being realized in the modern interactive pedagogics. The main idea is that the most important task of training is to, teach students to think dialectically through the dialogue (especially through Sokrat's dialogue). The main students' activity is to search truth in the conditions of interactive collaborative communication.